

Olga Lewandowska
Uniwersytet Jagielloński

Защита христианских ценностей в песенном творчестве Александра Галича

Песни Александра Галича, знаменитого российского барда, довольно разнообразны. Они затрагивают разные проблемы, отличаются друг от друга композицией, стилистикой, ассоциациями, уровнем интеллектуальной сложности, у каждой песни свой неповторимый характер. Однако, несмотря на разнообразие затрагиваемых проблем в песнях Галича, в них присутствует непосредственная вера в ценности, в мир, созданный сознательно и целенаправленно. В интерпретации поэзии Александра Аркадьевича необходима, согласно Гадамеру, реконструкция и интеграция – которая состоит в „*myślącym zapośredniczeniu przeszłego i teraźniejszego życia*”¹. Таким образом стоит принимать во внимание как исторические обстоятельства 30-50-х и 60-70-х годов, так и биографию поэта. Однако особое внимание стоит обратить на универсальное и вневременное послание песен Галича. По мнению Гадамера, литературное произведение содержит единую, неповторимую правду, которая отличает его от других художественных произведений².

Мир, изображенный Галичем, является картиной окружающего, повседневности СССР 60-х и 70-х годов, но часто также действительности сталинского периода; в них появляются картины из времен царской России. Однако, независимо от исторического периода, в его песнях отражается проблематика существования человека как в условиях строгого режима, так и во время оттепели. Советская Россия как сталинского периода, так и 60-70-х годов изображена с точки зрения сатирика, человека, который отрицает тоталитаризм и все связанные с ним компромиссы. Поэт указывает на сложные и опасные для человека определители тоталитаризма такие, как официальная идеология, система террористического полицейского контроля, партийный контроль за средствами

¹ H.-G. Gadamer, *Rekonstrukcja i integracja jako zadania hermeneutyczne*, przeł. M. Łukasiewicz, [w:] *Współczesna myśl literaturoznawcza w Republice Federalnej Niemiec*, oprac. H. Orłowski, Warszawa 1986, s. 23.

² H.-G. Gadamer, *Tekst i interpretacja*, przeł. P. Dehnel, [w:] *Język i rozumienie*, wybór, przekł. i postł. P. Dehnel i B. Sierocka, Warszawa 2003, s. 137.

массовой информации. В отличие от большинства граждан, Галич скептически относился к переменам оттепели, он ожидал дальнейших изменений: свободы высказывания, прекращения репрессий и устранения цензуры. Прежде всего поэт считал своей целью преодолеть менталитет советского человека, своими песнями он стремился обратить внимание на достоинство людей.

Однозначно отрицательное отношение к коммунистическому режиму интересно в контексте биографии поэта³. Александр Аркадьевич Гинзбург в ранний период творчества существовал в официальной культуре. Он был известным драматургом и сценаристом, писал сценарии к таким фильмам, как: *Верные друзья*, *Летят журавли*, *В степи*, *Москва слезам не верит*. Галич был членом Союза писателей СССР и Союза кинематографистов; пользовался большим успехом, получал официальные награды. Несмотря на это, он чувствовал необходимость высказать свои скрываемые до сих пор чувства и мысли и поэтому искал нового жанра для своего творчества. Так возникли его песни. С того момента, когда Галич начал сочинять и исполнять песни, в которых защищал права человека, он уже до конца жизни сопротивлялся тоталитаризму, считая это своей миссией.

Предметом тоски и уважения лирического „я”, которое мы можем отождествлять с поэтом, являются Бог – творец мира и моральные ценности. Песенное творчество барда сосредоточено на самой главной проблеме, затрагивающей личность и общество в тоталитарном государстве. Это вопрос о нравственности современного человека, о возможности сохранить христианскую и гуманистическую философию. Для Галича характерен этический абсолютизм, для него не существует обстоятельств, дающих право отказаться от моральных ценностей, пойти на компромисс с тоталитарной властью, ибо моральный героизм – определитель человечества. Моральные ценности являются неизменными и надёжными, поскольку их источником и гарантом является Абсолют:

Skoro więc Bóg jest zarówno miłością, dobrem, prawdą, jak i jednostką absolutną (czystym ja), niezmienną i najwyższą istotą, to również owe wartości uosobione w Bogu mają walor niezmienności⁴.

Песни барда направлены на моральное совершенствование общества; оно возникает из наблюдений поэта, из его заботы о душевном состоянии личности и вере в добро в человеке. Автор пытается пробудить в аудитории чув-

³ Биографические информации приведены на основании: G. Przebinda, J. Smaga, *Kto jest kim w Rosji po 1917 roku?*, Kraków 2000, с. 87-88 и Ф. Раззаков, *Звездные трагедии*, Москва 2007, с. 82-102.

⁴ J. Капуścик, *Sens życia – antropologiczne aspekty rosyjskiego renesansu duchowego XX wieku w świetle prawosławia*, Kraków 2000, с. 53.

ствительность к злу и веру в возможность самосовершенствования, что является целью авторской песни, направленной прежде всего на образованных людей:

Какие гражданские чувства авторская песня может пробудить в интеллигенции? Негодование по поводу неразумности экономических и политических решений со стороны государства, неудовлетворенность собственными мыслями и поступками и мыслями и поступками сограждан в отношении друг друга и государства в целом, патриотизм, любовь к Родине, ответственность перед следующими поколениями⁵.

Восприятие человека как независимой и свободной единицы, у которой имеется собственная ценность и собственное достоинство, приближает Галича к христианскому персонализму. Персонализм указывает на несколько сфер человеческой свободы и ответственности:

Według personalizmu (od łac. persona – osoba) człowiek jest jednością natury rozumnej (Boecjusz, Tomasz z Akwinu), jego rozumność i nieredukowalność przejawia się (aktualizuje) w następujących aspektach życia: poznanie, miłość, wolność i odpowiedzialność, podmiotowość prawa, suwerenność (z uwagi na własny akt istnienia) oraz godność religijna (M. A. Krąpiec)⁶.

Все эти аспекты важны в творчестве Галича, ибо человек обделенный или ограниченный в любом случае теряет свое достоинство. Галич обращает внимание на стремление тоталитарного государства лишить людей собственно „я” и на отрицательные последствия массовости. Следствием восприятия человека как части массы является потеря чувства ответственности за свои решения, потеря межчеловеческих связей, отказ от индивидуальной связи с Богом. Христианский персонализм указывает на ещё более глубокое последствие: потерю мира как дома:

W „Ja jestem” tkwi więc fundament i jedyna możliwość przywrócenia człowiekowi utraconego domu, w postaci odbudowania zerwanych więzi z bytem (Wszechświatem), drugim człowiekiem oraz Bogiem⁷.

⁵ Н.А. Силина, *Интеллигенция и авторская песня: проблемы социокультурного взаимодействия*, «Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки» 2007, № 3 (8), [w:] http://www.bards.ru/press/press_show.php?id=1296&show=topic&topic=8&page=5 (15.03.2011).

⁶ Н. Кiereś, *Personalizm czy socjalizm*, Radom 2001, с. 77.

⁷ I. Ziemiński, *Filozofia wobec tajemnicy człowieka*, „Znak” 1994, № 4, с. 127.

Галич указывает в своих произведениях на отношения между личностями, так как „я” укрепляется во встречи с „ты”; как замечает Земински: „Ja nie stanowi bowiem (w perspektywie dialogizmu) funkcji spotkania z Ty, nie traci też w spotkaniu swej tożsamości czy indywidualności”⁸.

Сопереживание

Одной из самых главных ценностей философии Галича является сопереживание. Для простых людей сопереживание – это естественный способ отношения к другим. Такое поведение является следствием православного учения о любви к ближнему. В посвященной Зоценко песне *На сопках Маньчжурии* указывается возможность наладить связь между разными личностями, несмотря на все различия между ними. Судьба „чудака” вызывает сочувствие – ему оно необходимо, так как он страдает от одиночества:

А чудака глядел на обезьянку,
 Пальцами выстукивал морзянку,
 Словно бы он звал ее на помощь,
 Удивляясь своему бездомью,
 Словно бы он спрашивал: «Запомнишь?»
 И она кивала: «Да, запомню».
 (...)
 Стало почему-то очень тихо,
 Наступила странная минута –
 Непонятное, чужое лихо –
 Стало общим лихом почему-то! (АС, 110)⁹

Сопереживание, указанное в этой песне, происходит на двух уровнях: между „я” и „ты”, а также между „я” и „мы”. Окружающие героя объединяются вокруг него, они изъявляют солидарность. В ситуации, когда страдает человек из толпы, с которым другие могут идентифицировать себя, они интуитивно сопереживают его горю. Человек, живущий в тоталитарном обществе, страдает от одиночества, как замечает Ханна Ковальска:

To wspólne bycie z innymi wyłącznie w płaszczyźnie podległości rodzi najbardziej skrajny typ alienacji. Chomiakow uświadamiał, iż wspólna podległość cze-

⁸ I. Ziemiński, *Filozofia...*, с. 127.

⁹ А. Галич, *Антология Сатиры и Юмора России XX века*, Москва 2005, с. 110 (В настоящей работе цитаты из книги привожу по этому изданию. Цитаты обозначены сокращением заглавия в скобках после цитаты. Цифра после сокращения заглавия обозначает соответствующую страницу).

mukolwiek – historii, prawu – prowadzi do alienacji, gdyż tego rodzaju wspólnota wyklucza jedność metafizyczną ludzi (подобосуще)¹⁰.

Оптимистический диагноз Галича указывает на возможность выхода из ситуации отчуждения, возникшей из-за стремлений власти создать гражданина равнодушного, лояльного к власти и идеологии. Однако, как замечает Галич в песне *На сопках Маньчжурии*, у людей всё-таки осталась способность эмоционально реагировать.

Свобода

Проблематика свободы занимает важное место в творчестве Александра Галича. Лирическое „я” находится в ситуации несвободы – тоталитарной системы, но одновременно у него есть выбор: подчиниться власти или нет. Галич убеждён, никто не может лишить человека свободы, следовательно никто не может лишить человека ответственности за его решения. Он приводит примеры поступков людей из своей среды, которые сопротивлялись требованиям власти. Такое поведение с моральной точки зрения – героизм и одновременно единственный возможный выбор, достойный человека. Для писателя, а тем более для исполняющего свои песни поэта, свобода обозначает возможность говорить обо всем, в том числе о режиме, и обо всех ужасах, происходящих вокруг. Выступая от имени общества, он одновременно сопереживает все трагедии личности. Это отражено в песнях и стихах поэта, так как лирическое „я” часто является тождественным с гонимым, а его мысли и переживания подвергаются подробному анализу. В контексте репрессии поэт ссылается на собственный опыт. Его не оставляет равнодушным тема преследований евреев, так как он был одним из них. Бард указывает на ограничения в возможности хороших заработков даже для подчинившихся власти полезных евреев, а также на факт, что они стали гражданами второй категории – „Не сидеть вам ни в Синоде, ни в Сенате. / А сидеть вам в Соловках да в Бутырках” (*Предостережение*, АС 71).

В Советском Союзе немногие решались затронуть эту тему, опасаясь потерять материальные блага, популярность, покой. Постоянная критика действительности Советской России в песнях как сталинского периода, как и 60-70-х годов вызвала реакцию власти. Галич потерял публику, славу, общественное уважение, ему оставалось петь лишь для круга знакомых. С 1971 года писателя исключали поочередно: из Союза писателей, из Союза кинематографистов. Александра Аркадьевича обвиняли в сионизме, подчёркивая его

¹⁰ Н. Kowalska, *Manifestatio rei w poezji Aleksandra Galicza*, [w:] Н. Kowalska, *Bardowie*, отв. ред. J. Sawicka i E. Paczorska, Łódź 2001, s. 28.

еврейское происхождение. С этого момента Галич перестал существовать в официальной культуре, творческая деятельность была ему запрещена, с репертуара снимались его спектакли. Власти заставили его покинуть родину, и он в 1974 году уехал в эмиграцию. Как пишет Ворошильски, Галич, включаясь в ряд подпольных творцов, функционирующих в самиздате, теряет меньше чем выигрывает:

(...) wybiera wolność – była to między innymi wolność współprzeżywania każdego zniewolenia, nędzy i trwogi w udręczonej ojczyźnie. Ta wolność rekompensowała zawiązką wszystko, co postradał, co odebrali mu między innymi koledzy literaci, skądinąd zdolni nierzadko ludzie, którzy pozostali po tamtej stronie. O tę wolność stał się bogatszy od nich¹¹.

Поэт убеждён и пытается убедить в этом своих слушателей, что нельзя говорить о свободе, когда человек создает иллюзию или поддерживает её. Герои песен Галича часто выбирают жизнь в иллюзии, чтобы не нести ответственности за свои поступки, чтобы не сознаваться в своей неволе, чтобы не оказалось, что они отказались от свободы. Только выбирая правду, можно выбирать свободу: „(...) wolność wyrasta z prawdy i jedynie w prawdzie może odnaleźć swoje spełnienie”¹². Поэт противится равнодушию людей и утверждает, что в обществе выбор и моральное поведение всегда имеют значение, могут влиять на ситуацию других и даже принимать участие в борьбе с режимом. Стоит отметить, что в христианстве подчёркивается значение выбора между добром и злом:

Człowiek jest wolny, bo wybiera, ale wybiera rozumnie – na tle posiadanej wiedzy o dobru – i dlatego ponosi odpowiedzialność za własny wybór: każdy wybór wnosi realne zmiany do otaczającego nas świata, a w polu tych zmian znajdują się inni ludzie¹³.

Вполне осознающим все последствия своего выбора является герой песни *Я выбираю свободу*, которого мы можем отождествлять с самим Галичем. В контексте биографии барда моментом выбора является решение сочинять песни, в которых отражены проблемы несвободы и манипуляции обществом властями СССР. Каждое литературное произведение является вступлением в диалог с читателями, это всегда риск критики и, как замечает Гадамер:

¹¹ W. Woroszyński, *Entuzjasta, szczęściarz, buntownik*, „Znak” 1994, № 4, с. 57.

¹² Z. Stawrowski, *Błask prawdy, blask wolności*, „Znak” 1994, № 4, с. 101.

¹³ H. Kiereś, *Personalizm...*, с. 112.

To, co wychodzi na jaw w mówieniu, nie jest wyłącznie utrwaleniem zamierzonego sensu, ale stale ponawianą próbą, czy też lepiej, ustawicznie powtarzającym się usiłowaniem, wdania się w coś oraz wdania się z kimś. To jednak oznacza wystawienie się na coś¹⁴.

Поэт показывает две разные свободы, указывая на то, что одна из них – это нечто большее, чем просто покой, спокойная жизнь, бегство от проблем. Одновременно он указывает на свободу как ценность, которая составляет частицу человечества – она пишется с большой буквы:

Я выбираю Свободу —
Но не из боя, а в бой,
Я выбираю Свободу
быть просто самим собой (ВТ, 226)¹⁵.

Такой выбор обозначает, что необходимо остаться в бою, не подчиниться режиму, не покориться. Это ежедневная борьба за жизнь, за деньги, которых коммунистическая власть пыталась лишить всех „неблагонадёжных”, лишая их возможности работать легально. С другой стороны – это внутренняя борьба с самим собой, чтобы не подвергаться искушению спокойной и зажиточной жизни, чтобы не подчиниться власти. Это также борьба за то, чтобы „не сопротивляться злу насилием”, чтобы спасти в себе любовь к человеку. Иначе говоря – это борьба за человеческое достоинство, за нравственного человека. Последствия этого выбора могут быть разными, можно попасть в неволю коммунистической власти, потерять привилегии, подвергнуться преследованиям и всем ограничениям в повседневной жизни:

И мне говорит «свобода»:
«Ну что ж, — говорит, — одевайтесь
И пройдемте-ка, гражданин» (ВТ, 227).

Поэт подчёркивает, что его выбор вливается в выборы всех сохранивших своё человеческое достоинство — это всегда оптимистическая мысль – „Я выбираю Свободу, / И знайте не я один!” (ВТ, 227).

Одновременно поэт не хочет искать оправдания для тех, которые выбрали покой, удобства, деньги, свободу в юридическом смысле. Он указывает на то,

¹⁴ H.-G. Gadamer, *Tekst i interpretacja*, s. 106.

¹⁵ А. Галич, *Вечный Транзит. Стихи, песни, поэмы*, Екатеринбург 1998, с. 226 (В настоящей работе цитаты из книги привожу по этому изданию. Цитаты обозначены сокращением заглавия в скобках после цитаты. Цифра после сокращения заглавия обозначает соответствующую страницу).

что многие его соотечественники отказались от моральных ценностей; такое поведение он считает как феномен. Оппортунисты, предпочитая корыстные ценности, отказались от человеческого достоинства:

По капле и есть по капле
 Пользительно и хитро,
 (...)

 А нам – подавай корыто,
 И встанем во всей красе!
 Не тайно, не шито – крыто,
 А чтоб любовались все! (ВТ, 227)

Свобода является одной из черт свойственных поэту, она необходима для творчества. Галич, указывая на благополучные условия жизни поэтов в прошлом, создает иронический образ – аллегорию ситуации поэтов в коммунистическом государстве. Горький образ лошади на карусели в песне *Так жили поэты* – символ судьбы поэта, подчиняющегося режиму, творчество которого создается по законам соцреализма, по указаниям власти. Это полная противоположность идеи поэзии, которая должна указывать истину, открывать самые главные проблемы существования человека. Александр Галич глубоко ценил поэзию, ссылаясь на русскую традицию. Для него творчество соцреализма не имеет ничего общего с поэзией, также как „дурацкая кукла” не имеет ничего общего с конем „с золотыми копытами”. Фантасмагорический образ представляется как потеря мира чудес, как реальность в СССР, как „старость поэзии”.

В творчестве Галича свобода принадлежит миру природы. Природа остается независимой от человека, у неё есть свои правила и свои привилегии, и человек не может этого изменить. Мир природы подчиняется только своему Создателю. В песне *Облака* мир природы бесстрастен и беззаботен, и человек ему завидует. Здесь подчёркивается свобода облаков, для которых лагерь – это такое же пространство, как и другие места. Природа выше режима, она победительница:

Облака плывут, облака,
 В милый край плывут, в Колыму,
 И не нужен им адвокат,
 Им амнистия – ни к чему (ВТ, 24).

Свобода – это право и одновременно предмет тоски заключённых, подвергаемых цензуре, ограниченных режимом. Поэт показывает, что свободы не хватает тем, кто ограничен своим страхом, своей неготовностью к борьбе со злом, созданы людьми, вопреки божьему закону.

Истина

Одной из ценностей, о которых часто говорится в коммунистической пропаганде, является истина. Вследствие частого употребления в лозунгах, это важное слово потеряло в общем понимании граждан СССР своё значение. В тоталитарном государстве нелегко отличить истину от лжи и обмана. В такой ситуации человек может найти опору в вере, в своей совести. Истина в поэзии автора *Облаков*, основанная на христианстве, имеет универсальный и вневременный характер. Галич не столько считает себя моралистом, сколько защитником гуманистических ценностей. Как человек, который нашёл поддержку и выход из сложной ситуации лицемерия в христианской философии, поэт не хочет оставлять этого для себя, он хочет передать надежду на спасение человеческого достоинства своим слушателям. Это свидетельство любви и заботы о другом человеке:

Jeśli istnieje prawo – pisze Jan Paweł II – do poszukiwania prawdy na własnej drodze, to bardziej podstawowym w stosunku do niego jest ciężący na każdym człowieku poważny obowiązek szukania prawdy i trwania przy niej, gdy się ją odnajdzie¹⁶.

Поэт побуждает своих соотечественников задавать вопросы, так как поиски истины начинаются именно с вопросов. Борьба с вездесущей ложью начинается, когда человек заново удивляется абсурдности тоталитаризма, пытается посмотреть на него как бы снаружи. Надо почувствовать себя ребёнком и пытаться разоблачить механизмы действительности. Это привилегия молодости: отвага и сильное стремление искать ответов на непонятное:

Снова замаячили бьль, боль,
Снова рвутся мальчики в пыль, в бой!
Вы их не пугайте, не отваживайте,
Спрашивайте, мальчики, спрашивайте (ВТ, 43).

Молодые нуждаются в идеях, ищут ценностей и верят в них. В них надежда на лучшее, способность к подвигу:

Мальчики были безумны,
(...)
Они ж по ночам «Отчизна!
Тираны! Заря свободы!» (*Петербургский романс*, ВТ, 96-97).

¹⁶ Jan Paweł II, *Encyklika*, с. 34, cyt. za Z. Stawrowski, *Blask...*, с. 100.

Как замечает Шаталов: „Всматриваясь в молодёжь тех лет, поэт ищет в ней ту силу, которая должна в конце концов вывести страну из кризиса”¹⁷. Мышление о истине, которая приносит освобождение, согласно словам Христа – „a prawda was wyzwoli”¹⁸. Это означает также, что познание самого себя в своих слабостях и грехах – это необходимая часть перемены. С этого момента отваги начинается борьба за свою человечность путём самосовершенствования. Создавая в *Песнях про острова* образ страны чудес, поэт использует иронию, чтобы показать, как перемешаны реальность с нереальностью, насколько невозможной кажется живущим в режиме нравственности. Для лирического „я” честность людей – такой же предмет мечты, как приостановление правил природы, биологии:

Говорят, что где-то есть острова,
Где с похмелья не болит голова,
(...)
Где неправда не бывает права!
Где совесть – надобность, а не солдатчина,
Где правда нажита, а не назначена! (ВТ, 102)

Правда должна быть найдена самостоятельно, а не получена в качестве приказа от власти, она не может быть чем-то относительным:

Где четыре не всегда дважды два,
Считай хоть дослепу – одна испарина,
Лишь то, что по сердцу, лишь то и правильно! (ВТ, 102)

Правила любви выше всех других правил, сердце – источник познания истины. Идея познания посредством сердца содержится в философии Памфила Юркевича и Павла Флоренского. Юркевич, российский философ и педагог XIX века, считал, что сердечное религиозное чувство ведет к познанию Абсолюта. Зато Флоренский, знаменитый религиозный мыслитель конца XIX – начала XX века, подчёркивает первенство познания сердцем:

Wyróżniając szczególnie pierś i serce i traktując je równocześnie jako zasadnicze „narządzie” poznania, przewyższające poznanie naukowe, Florenski w pewnym stopniu je absolutyzuje. (...) Antropodycea Florenskiego, eksponująca czystość serca jako najważniejszego „skupiska” sił duchowych, umożliwiających przebóstwie-

¹⁷ А. Шаталов, *Век наш пробует нас*, [w:] А. Галич, *Песни. Стихи. Поэмы*, Екатеринбург 1998, с. 640.

¹⁸ *Biblia Tysiąclecia*, Warszawa 1990, J 8, 32.

nie całej istoty ludzkiej, stanowi próbę usprawiedliwienia człowieka w świetle nauki prawosławia i kultu ortodoksji (...) ¹⁹.

Абсурдность ситуации в коммунистическом государстве заключается в том, что говорить правду можно только там, где, по законам логики, правды быть не может: в психбольнице. Психушка оказывается пространством нормальности, а также отдыха от абсурдности жизни:

Ах, у психов жизнь – так бы жил любой:
Хочешь – спать ложись, а хочешь – песни пой!
Предоставлено им вроде литеры,
Кому от Сталина, кому от Гитлера! (ВТ, 29).

Не только правда о повседневной жизни в настоящем времени подвергается фальсификации, но также факты из истории, когда прошлое интерпретируется с точки зрения идеологии:

Уходят слова и приходят слова,
За правдою правда вступает в права.
(...)
И это преданье седой старины —
Пример для историков нашей страны! (ВТ, 247)

Итак, нет объективных, достоверных фактов – всё относительно. Новая версия истории представляется людям как единственно верная:

Но как-то с трибуны большой человек
Воскрикнул с волнением и жаром (ВТ, 247).

Человека обманывают, постоянно появляется мотив подделки и подмены в разных сферах жизни²⁰.

В фантазмагорической картине сна действительность приспособливается к пропаганде, официальная газета является источником сведений о действительности. Сон и кошмар сравниваются с тоталитарным государством, так как в них существуют подобные условия: приостановление правил логики:

¹⁹ J. Karpusik, *Sens życia*, s. 210.

²⁰ На мотив подмены у Галича указывает Аннинский. Л. Аннинский, *Барды*, Москва 1999, с. 103-104.

Центральная газета
Оповестила свет,
Что больше диабета
В стране Советской нет!
Пойми, что с этим, кореш,
Нельзя озорничать,
Пойми, что ты позоришь
Родимую печать (*Баллада о сознательности*, ВТ, 180).

У Галича появляется евангельский символ компромисса – омовение Пилатом рук. Человек, борющийся за правду, не хочет подвергаться преследованиям, это не только проблема страха, но также равнодушия, эгоизма и привязанности к своему миру. Поэт обнаруживает позор несознательности выбора:

Спасая свой жалкий Рим!
И ничего нам притворяться –
мы ведаем, что творим! (*Баллада о чистых руках*, ВТ, 182).

В условности гротеска представлены выступления героя цикла песен – *Клима Петровича*. Эти выступления, несмотря на степень абсурдности и лжи, воспринимаются людьми как мудрость. Советский человек так привык не задумываться над словами пропаганды, что потерял способность отличать реальность от фикции. Ситуация в песне одновременно вызывает смех и приводит в ужас, напоминая кошмар. Правда и ложь не существуют, остались только схемы поведения и восприятия речи в зависимости от того, кто говорит. Слово правды лишено плодотворной силы.

Своими песнями, в которых появляются иронические картины на некоторые явления жизни в СССР, Галич призывает к внимательности в поисках истины и предлагает предпринимать попытки разоблачения лжи в пропаганде. Чем важнее для барда эта проблематика, тем резче его ирония. Он хочет укрепить в слушателе нелюбовь к окружающему и убеждение, что необходимо начать перемену с самого себя. Смех, который вызывает карикатура, облегчает горе, возникающее из-за разоблачения иллюзии о самом себе.

Жизнь

Жизнь рассматривается у Галича на нескольких уровнях: физическом, психическом и духовном. И все они являются очень важными. В своих песнях поэт указывает различные ситуации, когда человек существует только на двух из этих уровней. Как пишет Кересь:

Dobrem – celem każdego człowieka jest jego życie; jest ono jednością, ale aktualizuje się w trzech integralnie powiązanych porządkach: biologicznym, psychicznym (zmysłowo-uczuciowym) oraz duchowym. Cywilizacja poprzez politykę – sztukę roztropnej realizacji dobra wspólnego – służy z konieczności życiu ludzkiemu: dba o dobrobyt materialny i zdrowie obywateli; o prawdę – naukę i religię; dobro – moralność i prawo; piękno – sztukę. Życie materialno-biologiczne ma charakter służebny, a jego rozwój i jakość zależy od troski o życie psychiczno-duchowe²¹.

Тоталитарный режим, заставляющий человека делать выбор, на каком уровне он хочет существовать, лишает его возможности жить в полном значении этого слова. Поэтому Галич называет мёртвыми погибших и рабов системы, душевнобольных. О мёртвых друзьях пишет поэт в стихотворении *Уходят друзья*:

Уходят, уходят, уходят друзья,
Одни – в никуда, а другие – в князья
(...)
Я ведь все равно по мертвым не плачу —
Я не знаю, кто живой, а кто мертвый (АС, 134).

Симпатия Галича всегда на стороне тех, кого коммунистическая система пытается уничтожить психически и физически. Среди таких героев есть преследуемые артисты, которые боролись за свою жизнь в свободе, понимая, что такая жизнь является ценностью. В его песнях показана их трагедия. Их героизм автор ставит в пример всем гражданам Советского Союза. В песне *Фарс-гиньоль* государство убивает непосредственно, оставляя героя в очень тяжелом положении, так как он лишен социальной помощи, а заработки не достаточны, чтобы выжить.

Символом матерей, потерявших детей, является Мадонна из *Поэмы о Сталине*. В описании её страданий можно увидеть страдания русских женщин, в универсальной перспективе – страдания всех, кого режим лишил близких. Что касается сосланных – они лишены свободы во время ареста, они лишены также человеческого достоинства, так как подвергались издевательствам во время допроса, ссылки. Кроме того, страдает их психика, у них навсегда остается травма:

Я подковой вмёрз в санный след,
В лёд, что я кайлом ковырял,
Ведь недаром я двадцать лет
Протрубил по тем лагерям.
До сих пор в глазах – снега наст!
До сих пор в ушах – шмона гам! (*Облака*, АС, 37)

²¹ H. Kiereś, *Personalizm...*, s. 162.

Очередная группа мёртвых не вызывает сочувствия – это те, кто из-за страха или корыстолюбия, для славы или для власти отказались от духовной жизни. Иногда желание править становится навязчивой идеей, болезнью, человек хочет подчинить себе всё окружающее:

Ой, ты море, море, море, море Черное,
Не подследственное жаль, не заключенное!
На Инту б тебя свел за дело я,
Ты б из черного стало белое! (*Заклинание*, АС, 43)

В центре мышления героя стоит властолюбие, его неспособность увидеть в окружающем мире что-то больше чем раздел на законопослушных и врагов свидетельствует о духовной смерти. У Галича человек, который хочет занять место Бога, всегда терпит поражение. Так случилось с героем песни *Заклинание* и со Сталиным в *Песне о Сталине*. Для автора *Городского романа* строить счастье на чужом горе, даже пассивно, совсем не годится: „Про любовь твердишь, про доверие, / (...) А в глазах-то у тебя дача в Павшине”²². Поэт подчёркивает отсутствие духовной жизни у карьеристов, жизнь которых сосредоточена на обеспечении физических потребностей. Они активно или пассивно участвуют в функционировании машины режима. Молчание является символом оппортунизма:

Где теперь крикуны и печальники?
Отшумели и сгнули смолоду...
А молчальники вышли в начальники,
Потому что молчание – золото (*Старательский вальсок*, АС, 39).

Среди них встречаются люди равнодушные, которые пытаются забыть о своей роли в поддержке режима, или отрицают такую роль. Другие находятся под очень сильным влиянием пропаганды, они не способны самостоятельно думать и решать. Многие из них погружены в маразм и пассивности, думают и говорят при помощи штампов. Автор песен считает их прежде всего мёртвыми, хотя он не теряет надежды, что когда-то появится возможность пробудить в них духовную жизнь, начиная с постановки вопросов про этику, смысл жизни. Согласно Библии, Бог указывает превосходство духовного уровня жизни над физическим, и в случае необходимости выбора советует выбрать духов-

²² А. Галич, *Городской романс. Стихотворения, песни.*, Москва 2004, с. 15 (В настоящей работе цитаты из книги привожу по этому изданию. Цитаты обозначены сокращением заглавия в скобках после цитаты. Цифра после сокращения заглавия обозначает соответствующую страницу).

ную жизнь. Жизнь на всех уровнях является даром Бога, которого лишать никто не имеет права.

Жизнь в тоталитарном государстве совершается по другим правилам, чем обычно. Нормальное человеческое поведение является несовместимым с законами режима. Примером может быть любовь, самое сильное и не подвергающееся контролю чувство, как в песне *История одной любви, или как все это было на самом деле*:

И начались тут у них трали-вали,
Совершенно, то есть, стыд потеряли,
Позабыли, что для нашей эпохи
Не годятся эти «ахи» да «охи» (ВТ, 151).

Галич создает оппозицию старые – молодые. Старые – тираны, оцениваются отрицательно, молодые – идеалисты, сопротивляются режиму. Поэт раскрывает причину ненависти старых коммунистов к другим людям. Она заключается в бессилии и безнадежности их жизни, которая проходит без цели. Они наблюдают счастье молодых и накапливают злобу:

А в саду набухает завязь,
А мальчишки трубят «по коням!»
И острее чем совесть – зависть
Старикам не дает покоя! (АС, 76)

Рядом с „миром страха и доносов” возникает „нормальный мир”; его создают молодые люди.

Вера

Галич указывает на тоталитаризм как на явление, существующее в разные эпохи и всегда представляющее собой опасность для человека. В *Поэме о Сталине* поэт подчёркивает универсализм и вневременность проблемы антиутопий, которые возникли прежде всего в XX веке. Сравнивает все преступные системы, фашизм и коммунизм и предостерегает перед „ложными пророками”, которые обещают рай на земле:

Не бойтесь тюрьмы, не бойтесь сумы,
Не бойтесь мора и глада,
А бойтесь единственно только того,
Кто скажет: «Я знаю, как надо!»
Кто скажет: «Всем, кто пойдет за мной,
Рай на земле – награда!» (АС, 206).

Сфера метафизики занимает важное место в творчестве поэта, который в конце своей жизни принял христианство. Религия оказывается для него силой, которая должна объединить весь русский народ.

Галич указывает на опасность попытки человека создавать своего бога. Такая ситуация имеет место в случае культа личности. Сталин, который сам себя считает богом, является продуктом режима. Его власть не могла бы существовать без тихого согласия народа, который подчинился режиму, а потом утверждал вождя в его божестве, надеясь на прибыль и выгоды. В песне *Сто первый псалом* поэт обращает внимание на факт, что человек часто, желая создать утопию, создает антиутопию. Нельзя создавать бога, так как человек теряет контроль над своим изделием, и потом ему приходится подчиняться опасной силе зла:

Мой Бог, сотворённый из глины,
Сказал мне:
Иди и убей! (АС, 129)

В песнях Галича Бог появляется как Творец человека, как его Избавитель и как защитник его прав. Зло происходит от людей, Бог допускает ужасный строй тоталитаризма только потому, что Он не ограничивает свободы человека. В ситуации отчуждения, которое является последствием бунта и непонимания окружающего мира, Бог, как творец рая, является спасением. Человек, чтобы найти точку отсчёта, обращается к Богу и ценностям и таким образом избегает хаоса, который опасен. Как пишет польский философ: „Bóg staje się obecny nie tylko jako ucieczka w obliczu obcego i wrogiego świata, który przestał być domem, ale jako urzeczywistnienie spotkania z drugim człowiekiem”²³. У Галича Бог появляется в разном контексте, Он выступает как положительная сила, противовес для тоталитарной власти. Христос не сопротивляется злу насилием и, оставляя человеку свободу выбора между добром и злом, защищает человечество. В *Поэме о Сталине* маленький Христос оказывается сильнее вождя, который подвергается человеческой слабости и в конце обращается к Богу с просьбой о помощи. Христос изображен как Бог, приходящий к людям. Он ищет всех, пытается, как в библейских картинах, найти и спасти каждого человека. Возможно, человек избегает встречи с Христом, чтобы не увидеть правды о себе:

Człowiek odkrywa więc siebie – lub przynajmniej może odkryć – tylko w dialogu z Bogiem, jako Ty stojące przed Jego obliczem, jako osobę wezwaną przez Niego po imieniu²⁴.

²³ I. Ziemiński, *Filozofia...*, c. 127.

²⁴ I. Ziemiński, *Filozofia...*, c. 128.

Бог избавляет от страха и от всех масок, человек не в состоянии скрываться за маской, и если он ищет Бога, то не хочет больше скрываться.

В песнях Галича постоянно появляется восхваление героизма, а главной задачей человека является стремление к свободе. Однако, чтобы не потерять надежды и не потерять смысл жизни, нужна вера. В творчестве поэта присутствие Бога является для человека спасением, открывается мир духовных ценностей – придающий смысл существованию человека, даже в тоталитарных условиях. Герой песни барда это „религиозный человек”²⁵. Бог поддерживает человека, лирическое „я” обращается к Нему с просьбой о помощи, так как Он является источником силы и опорой:

Прими нас, Господи, незванных,
И силой духа укрепи! (*Опыт отчаяния*, ГР, 244)

Однако Бог не вступит в спор с человеком. Символичен в этом отношении божий шепот, а не крик.

В песне *Песенка – молитва* герой поручает Божьему провидению судьбу любимой женщины. Для него важно доверять Богу, не спрашивать обо всём. Человек не может понять сложности мира, но позволяя Богу иметь свои тайны, он доверяет Ему и Его обещаниям.

Стоит подчеркнуть, что в православной религии Галич находит источник мудрости, силы, надежды. Надо обратить внимание на факт, что в 1972 году Галич крестился у отца Александра Меня. В автобиографическом стихотворении *Когда я вернусь* бард указывает на церковь как на собственный дом. Православие, как дом, не столько ассоциируется с убежищем, сколько составляет символ ценностей, правды и истории, с которой поэт идентифицировался. Обладание домом определяет тождество, преодолевает отчуждение и изгнание.

Таким образом христианские ценности, по мнению Галича, существуют также в условиях тоталитаризма, стоит о них не забывать, так как они помогают человеку найти смысл и цель жизни и спасти веру в своё достоинство. Защищая православную веру, поэт стоит на стороне человека и его права на свободу, на любовь, на поиски правды. Борьба поэта направлена на преодоление менталитета советского человека, как формы продукта манипуляции.

²⁵ Человек, как замечает Элиаде, по своей природе нуждается в религии — „Объявление белым пятном громадной области в истории человеческого разума может привести к выводу, что на протяжении всех этих тысячелетий деятельность разума ограничивалась сохранением и передачей технологии. Такое мнение не просто ошибочно — оно фатально для познания человека. Homo faber был в то же самое время homo ludens, sapiens и religiosus” (М. Элиаде, *История веры и религиозных идей*. Том I. *От каменного века до элевсинских мистерий*, Москва 2002, с. 15).

Стоит обратить внимание, что для Галича близкой была концепция литературного произведения, влияющего на читателя, что предлагает герменевтика и, как замечает Катажина Роснер: „Za modelem hermeneutycznym kryje się wiara, że obcowanie ze sztuką może nas zmienić, poszerzyć naszą wiedzę o sobie i możliwościach ludzkiej egzystencji”²⁶. Универсальный вневременный характер напутствия Александра Галича и его песен состоит в защите христианских ценностей и достойного места человека, являющегося носителем Божьего образа.

SUMMARY

The Defence of Christian Values in the Songs of Alexander Galich

The article is devoted to the topic of the role of Christian values in songs of a prominent Russian bard – Alexander Galich. In the Christian philosophy the poet finds counterbalance to the totalitarian system. Showing the destructive action of the communist state in relation to the individual, he highlights the alienation of a man deprived the opportunity to develop his spirituality. It causes him not to be able to fully realize his humanity, he is taken away his dignity. At the same time Galich shows how much the values such as empathy, freedom, truth, relationship with God are close to a man. The constant need for search and realization of those values makes it, that especially young people, in which Galich sees the force capable of overcoming social apathy, have the potential to ask difficult and fundamental questions, being the beginning of the road to liberation from the falsehood of totalitarian reality. In Galich songs, the lyrical subject repeatedly declares and takes the fight against the regime in order to preserve human dignity. Based on the example of specific, individual choices, the poet proves a man is capable of ethical heroism and points at the possibility of returning to the Orthodoxy, which he believes is a “home” that stands for a reference point and a space of inveteracy, breaking the alienation caused by the chaos of the totalitarian reality.

²⁶ K. Rosner, *Hermeneutyczny model obcowania z tekstem literackim*, [w:] *Problematyka aksjologiczna w nauce o literaturze*, pod red. S. Sawickiego, A. Tyszczyka, Lublin 1992, s. 251.